

Актриса Ивана Жигон, приехала на фестиваль «Панорама» со спектаклем по пьесе А.Стриндберга «Фрекен Жюли».

Ночь. Мы сидим в номере минской гостиницы, и звезда сербской сцены «перелистывает» страницы на своем ноутбуке. Здесь собираются ее мысли о профессии и о мире. Она их проговаривает вслух...

Потом на экране монитора мелькают фотографии: сцены из спектаклей, отец – известный сербский режиссер Стево Жигон, мать – по-разительной красоты женщина, легенда национального кино актриса Елена Жигон, Ивана на фоне бронетехники в Косово, сербские дети, получающие в Москве благословение патриарха Алексия II... Почему замечательно говорит по-русски? Откуда притяжение к России?

– Дед по материнской линии был родственником короля Николы из черногорской династии Петровичей, которая была очень связана с Россией. Он был председателем правительства, потом во-

енным министром, позже министром иностранных дел. В этом качестве он несколько раз бывал при российском дворе. Своих дочерей он воспитал в Черногории в Русском институте. Был участником Балканских войн, Первой мировой войны. Когда, пережив Вторую мировую войну, он в 1944 году встретил в Белграде советские войска, вместе с югославами освобождавшие столицу, то обнял русского воина и сказал: «Я тебя жду уже двести лет»...

Стево Жигон во время войны был узником концентрационного лагеря Дахау. После освобождения уехал в Петербург и поступил в Ленинградский театральный институт. Окончив учебу, приехал в Югославию, в Белград, работать актером. Никогда не могстереть из памяти Россию. Даже маленькую Ивану баюкал, складывая в песенку русские имена. Как режиссер ставил в Малом театре «Агонию» Мирослава Крлежа, потом у Георгия Товтоногова в Большом драматическом театре в Ленинграде выпустил спектакль по

пьесе Бронислава Нушича «Оскорбленные родственники»...

Мать Иваны снялась в сорока фильмах, из них более чем в двадцати – в главных ролях. Съемки проходили в Австралии, Греции, Италии, Германии...

Иване – тридцать с небольшим. На сцене национального театра в Белграде переиграла половину мирового репертуара. Во время НАТОвских бомбардировок вместе с горожанами защищала мосты Белграда. Получив во время военных действий отравление, тяжело заболела. Но мало, кто знал, что актриса, вечером на сцене покоряющая сердца, днем бывает обессиленной. Поехав на лечение во Францию загадала: если выучу французский язык за десять дней – не умру. Выучила.

Вот уже три года возглавляет Общество сербско-русской дружбы, масштаб и характер деятельности которого плохо ассоциируются с женственным обликом Иваны... Мы говорим о театре, профессии, предназначении человека...

И. Жигон в роли
Прекрасной Елены.

ОТ СОМНЕНИЯ ДО ВОСЦАРСТВОВАНИЯ

Ф.М. Достоевский «Идиот». Настасья Филипповна – И. Жигон.

– Вы, действительно, верите, что «красота спасет мир»?

– Да. С этой фразы я начинаю каждый день – она встречает меня, когда я открываю крышку своего мобильного телефона. Только эти великие слова написаны там по-сербски.

– Какое место актерское творчество занимает среди других Ваших земных дел?

– Для меня актерство – это усовершенствование. Актер – царит на сцене! Он не просто человек из жизни, а новое существо. Для меня – это высшее существо, которое трудится, чтобы приблизить к идеалу все, что есть человеческое.

– Вы в себе ощущаете силы передать зрительному залу всю ту космическую энергию, которая, как Вы считаете, аккумулирована драматургических персонажах? Все ли Вам подвластно на сцене?

– Нет, конечно. Невозможно о себе говорить так. В актере всегда, на мой взгляд, присутствует внутреннее распятие: от сомнения до восцарствования.

– Диалог с залом – это конфликт или соразмысление, или поединок?

Для меня пространство сцены – это бесстыдно открытое чрево матери, которая каждый вечер рождает и выпускает в мир новых детей-персонажей. Божественно ощущение величия откровения...

– Вы как-то угадываете в своих вопросах то, о чем я сейчас размышляю, пишу. В отношениях между сценой и залом мне видятся мужское и женское начала. Главное, что между ними может возникнуть – это любовь. Любовь через рождение нового человека способна победить смерть. Так и в театре при встрече актера со зрителем – рождается новая жизнь. Но зал мне част

то напоминает жестокого мужчины, у которого проходит влюбленность, и он покидает женщину. Зал меня заманивает к себе, а потом оставляет. Все мои актерские старания направлены на то,

чтобы хотя бы на секунды испытать ни с чем не сравнимое чувство, будто мы все вместе обнялись и дышим одним дыханием.

– Сегодня на пресс-конференции Вы сказали, что всегда стараетесь быть адвокатом, защитником своих персонажей. Это – профессиональный прием или жизненная позиция в отношении человека?

– Может быть, я так воспитана, но я всегда ищу причину деяний, прежде всего, сочувствую человеку. Я могу в какой-то момент быть очень жесткой, но уже в следующий – буду мучить себя вопросами: может быть, человека, который мне чем-то не нравится, в детстве недостаточно любила мама... В театре, как и в жизни, важно докопаться до истинных причин, обусловивших те или иные поступки человека, понять мотивы.

– Здесь на фестивале Вас представляют как приму сербской сцены. Ощущаете ли Вы себя звездой?

– Я как-то всерьез об этом никогда не думаю. Но я очень ценю моменты, когда чувствую, что с каким-то особым вдохновением, на одном дыхании прожила на сцене историю Нины Заречной, Элизы Дулиттл, леди Макбет, Прекрасной Елены и других моих героинь – зрители аплодири-

ют, а я с восторгом вглядываюсь в зрительный зал Белградского национального театра, вижу, какой он красивый, и вспоминаю мечтательные сны девочки, которая очень хотела стать актрисой, и вдруг осознаю, что вижу этот волшебный сон наяву!..

В русском языке есть слово «действительность». Мне бы очень хотелось соответствовать заключенному в нем понятию. Я стараюсь в театре совершенствовать себя, прежде всего, как профессионала. Только будучи таковым, можно что-то важное сделать для зрителя.

Но нести в мир красоту можно не только со сцены. Поэтому я так много трулюсь вне театра. Поверьте, что когда мы отправляли в Россию на отдых полтысячи детей из косовских анклавов, я испытывала гораздо большую степень волнения, чем перед выходом на сцену. Когда в самолете триста маленьких сербов запели свою национальную песню, меня тоже захлестнуло чувство восторга.

Но это был совсем другой восторг. Может быть, я воспринимаю все так эмоционально как актриса. Но мне показалось тогда, что пусть на одну единственную секунду, эти дети и все мы вместе победили весь ужас и несправедливость мира, который их окружает. И это было дороже аплодисментов!

– Как вы распределите себя в жизни между профессией и теми миротворческими миссиями, которые взяли на себя, в том числе, по руководству Обществом сербско-российской дружбы?

– Для меня такое многоликое существование – сегодня единственное возможное. Я ищу красоту, которая спасет мир не только на сцене. Весь мир нуждается сегодня в защите и спасении.

– Многим актерам, даже с сильным личностным началом, в профессии свойственны эгоизм и потакание своим творческим амбициям. Более всего их волнует самореализация: какую роль мне дали, как именно меня восприняли, как оценили или недооценили... Вы же строите свою жизнь, ориентируясь на общечеловеческие ценности. Вы полага-

И. Жигон, когда «учила» французский...

ете, что миссионерство – это обязательная составляющая жизни современного театрально-го деятеля?

– Я думаю, что настоящий актер рожден для того, чтобы отдавать себя. Что он еще может?! В этом суть творчества. Чтобы было, что отдавать, надо открыть себя миру. В этом смысле, у каждого свой путь. Я живу в израненной Сербии и оказалась ею призванной...

– Меня не покидает ощущение, что со сцены Вы постоянно уходите на передовую... Руководить Обществом сербско-русской дружбы в такие неспокойные времена – это не легкий хлеб. Такая красивая молодая женщина вдруг оказалась на линии постоянного напряжения. За что Вы ощущаете себя ответственной?

– За все, за каждую мелочь. Когда сопровождаешь в Россию 520 детей из Косово, то берешь на себя ответственность за их жизни. Ты обязана все рассчитать: как они выберутся из военной зоны, где их могут в любую минуту просто застрелить, как они пройдут задуманный путь, как вложить в них оптимизм, как их живыми вернуть родителям. За 21 день от панического страха и постоянного стресса можно было бы просто умереть. Но если все время взвешивать: можно – нельзя, посмею – не посмею – ничего не сделается! Надо мобилизовать силы и не только свои собственные, но и тех, кто готов помочь. Мне иногда кажется, что все те огромные акции, которые удалось осуществить, претворены в жизнь не мною. Что